Госпожа указала на край печи-кровати Кан* и мягко улыбнулась: «Присаживайся и поговорим».

Гу Цзяо послушно села на печь-кровать Кан. Между ними находился небольшой столик, на котором лежали изысканные закуски.

Госпожа пододвинула к ней закуски и сказала: «Ты голодна? Сначала съешь что-нибудь из этого. А постная еда будет немного позже».

«Хорошо». После долгого подъема в гору Гу Цзяо действительно проголодалась. Она выбрала желтого цвета закуску в виде цветка.

Гу Цзяо молчала, пока жевала.

«Вкусно» - спросила Госпожа.

«Да». Гу Цзяо кивнула головой. Видя, что Госпожа смотрит на нее со скептическим выражением, она немного помолчала, а затем выдала: «Это лучше, чем у Ли Цзи».

«Что такое Ли Цзи?» - снова спросила Госпожа.

«Лучший магазин димсамов** в городе", - ответила Гу Цзяо.

Госпожа, наконец-то, почувствовала облегчение, потому что эти закуски были приготовлены ею собственноручно. Когда ей нечего было делать дома, она готовила закуски, чтобы скоротать время. К сожалению, среди ее детей сын был слишком слабым и болезненным, чтобы их есть, а дочь, хоть и была здорова, не любила есть приготовленные ею закуски, что заставляло ее думать, что приготовленная ею еда совершенно невкусная.

Гу Цзяо не притворялась, она действительно считала, что закуски вкусные.

Госпожа испытала чувство глубокого удовлетворения от похвалы Гу Цзяо. Она не могла удержаться от того, чтобы не посмотреть на девушку еще несколько раз. На лице Гу Цзяо было родимое пятно, и только сейчас она разглядела его.

Такая хорошая девушка, как жаль, - втайне сокрушалась Госпожа.

Затем она посмотрела на руки Гу Цзяо. Это была пара рук, которые постоянно работали, имели твердые мозоли на ладонях, а на тыльной стороне виднелись шрамы.

Госпожа вдруг подумала о своей дочери и порадовалась, что та родилась в доме маркиза и ей

не пришлось испытать тяготы простых людей, иначе у нее, как у матери, болело бы сердце от горя.

Гу Цзяо осталась в комнате Госпожи на некоторое время, постепенно тарелка с желтого цвета закусками опустела, все они перекочевали в её желудок. А к этому времени настоятель вернулся в храм.

Гу Цзяо естественно не забыла о своих делах. Она попрощалась с Госпожой, а затем отправилась к комнате настоятеля.

Настоятель находился в достаточно преклонном возрасте. Но, несмотря на седую бороду, он выглядел бодрым и полным жизненных сил, потому что много лет занимался боевыми искусствами.

Гу Цзяо кратко изложила цель своего прихода: «...Интересно, захочет ли настоятель продать её?»

Задав этот вопрос, она долгое время не слышала ответа от настоятеля. А когда она подняла на него взгляд, то заметила, что настоятель, не мигая, смотрит на ее ... лицо.

Гу Цзяо как раз собиралась спросить: На моем лице что-то есть? Но потом она вспомнила, что на её лице действительно что-то было, верно?

«Настоятель?» - Гу Цзяо напомнила о себе.

«Кха, кха, кха!» Настоятель пришел в себя, прочистил горло, сел прямо и сказал: «Ты только что говорила, что ... хочешь купить гору?»

Гу Цзяо: «Да».

Настоятель: «Сколько тебе лет?»

Хм?

Не слишком ли быстро сменилась тема разговора?

«Разве нельзя купить гору, если человек молод?» - равнодушно спросила Гу Цзяо.

«А! Нет, нет! О, Боже, не пойми меня неправильно, молодая прихожанка!» Настоятель сложил руки перед грудью и продолжил: «Старший брат Цзин Синь, отвечающий за имущество храма, ушел и вернется только через два-три дня. Будет лучше, если молодая прихожанка вернется

через несколько дней».

«Хорошо, я выберу день и снова приду сюда еще до нового года», - сказала Гу Цзяо, а затем встала, чтобы попрощаться.

От начала разговора до его конца взгляд настоятеля не покидал ее родимое пятно.

Гу Цзяо нахмурилась и сказала: «Настоятель, хотя меня обычно не волнует, что обо мне думают другие, но вы же монах. Не кажется ли вам, что это немного неприлично так откровенно пялиться на чьи-то недостатки?»

Настоятель поспешил загладить свою вину: «Этот старый монах был слишком груб, пожалуйста, не обижайся на меня, молодая прихожанка!»

После ухода Гу Цзяо настоятель еще долго не мог прийти в себя.

Один из его учеников подошёл к нему и спросил: «Настоятель, что с вами?»

«Я просто кое-что вспомнил», - пробормотал настоятель.

«Что вспомнил?» - спросил ученик.

Настоятель испустил долгий вздох и произнес: «Это случилось много лет назад …»

В ту ночь ему нужно было пометить новорожденную девочку киноварью геккона***. Однако в тот день он выпил слишком много вина. В результате его рука дрогнула, и вместо этого он пролил краску на лицо маленькой девочки …

Проснувшись на следующий день, он вспомнил, что натворил, и поспешил загладить свою вину перед Госпожой Хоу, но обнаружил, что у ребенка на её руках чистое и белое лицо. От киновари геккона не осталось и следа.

Поскольку он был слишком пьян, он также не был уверен в своей памяти. Но раз на лице ребенка ничего не было, значит, он этого и не делал, верно?

Спустя столько лет он совершенно забыл об этом происшествии. Однако, когда он увидел эту девочку, эти воспоминания внезапно всплыли в его памяти, заставив его снова задаться вопросом, действительно ли он пролил киноварь геккона на лицо новорожденной девочки той ночью.

Нет, тогда я пролил киноварь геккона на лицо дочери маркиза, но эта девушка сказала, что

она жительница деревни у подножия горы ….

…….

Тем временем Гу Цзяо, покинув комнату настоятеля, отправилась искать Госпожу, но ей сказали, что та уже спустилась с горы.

«Госпожа поручила этому скромному монаху передать эти коробки с закусками молодой прихожанке. Пожалуйста, прими их». Монах, отвечавший за уборку комнат для медитации и отдыха, протянул Гу Цзяо большой сверток.

Гу Цзяо взвесила его в руке и поняла, что Госпожа отдала ей все закуски.

Она тихо вздохнула: а одежду-то мою мне не вернули …

Одежда, которую Госпожа дала Гу Цзяо, была очень красивая, но она совсем не подходила для ходьбы по горной дороге. Она полагала, что порвет ее ещё до того, как сделает пару шагов. Но это было не из-за того, что она была слишком неаккуратна. В конце концов, люди, которые могли позволить себе такую дорогую одежду, не должны были ходить в ней по горам.

На обратном пути Гу Цзяо шла довольно быстро, она немного беспокоилась, что старушка не поладит с соседской семьей. Ведь у неё был скверный характер, и она была крайне придирчива, и к тому же не очень общительна.

Но вопреки ее ожиданиям, Гу Цзяо была сильно поражена, как только вошла в дом.

Что случилось? Почему здесь так много людей? И все они - женщины?

Гу Цзяо и Сяо Люлань никогда не проявляли инициативу в общении с жителями деревни. До этого к ним домой заглядывали только те, кому нужно было написать или прочитать письмо. Но больше трех человек в день никогда не приходило.

Поэтому Гу Цзяо просто не понимала, почему их главный зал вдруг оказался переполнен людьми?

Старушка величественно восседала на высоком стуле, а жена Второго дядюшки Луо, тетя Луо Эр Эр, почтительно стояла рядом с ней с чайником чая в руке.

С другой стороны стояла младшая невестка тети Чжан, Гуй Фан, она держала поднос с дынными семечками и чайной чашкой.

Гу Цзяо стала ещё больше озадачена. Разве у сестры Гуй Фан закончился послеродовой месяц?

Остальные женщины, похоже, не имели достаточной квалификации, чтобы подойти ближе, поэтому они стояли на противоположной стороне, прижавшись друг к другу. Это было похоже на деревенскую версию дворцовой драмы!

«Хорошо, можете вернуться», - старушка положила дынные семечки и махнула рукой.

Все отступили на шаг, и прежде, чем уйти, все низко поклонились старушке.

Приветствия императорских наложниц согревали сердце и радовали глаз, но, когда группа деревенских женщин с головами, обмотанными платками, так низко кланялись, всё это выглядело очень странно и неуместно!

Гу Цзяо была так потрясена этой сценой, что схватила Сюэ Нинсян за плечи, развернула к себе лицом и спросила: «Что опять натворила тетушка?»

Сюэ Нинсян ответила: «Тетушка рассказывала деревенским женщинам пьесу! Слушать ее было очень приятно!»

Уголок рта Гу Цзяо дернулся: «А что насчёт этих поклонов?»

Сюэ Нинсян задумалась на некоторое время, прежде чем поняла, что она имеет в виду: «О, ты об этом? Тетушка научила нас этому. Она сказала, что в оперном театре все так делают!»

В оперном театре никто так не делает!

Эта старушка откровенно водила их всех за нос, чтобы они кланялись ей.

Гу Цзяо осталась в недоумении. Откуда вообще взялась эта старушка? И как она стала таким демоном?

Примечание:

* - печь-кровать Кан - традиционная система отопления в крестьянских домах северного Китая, представляющая собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи, одновременно являясь дымоходом;

** - димсам – легкие закуски, подаваемые перед обедом, это могли быть небольшие порции десертов, фруктов, овощей либо морепродуктов;

*** - киноварь геккона - зелье, приготовленное из геккона, питавшегося высушенной и растертой в порошок красной киноварью. Из него древние китайцы могли приготовить смесь, которую они использовали, чтобы пометить руку девушки маленькой точкой. Когда девушка теряла девственность, эта метка исчезала.

Перевод: Флоренс

http://tl.rulate.ru/book/63867/1815124